„Пров 38

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРІИ ВЪ НОВОЙ КНИГѢ П. Б. СТРУВЕ.

Цѣль моей замѣтки заключается не въ рецензированіи книги П. Б. Струве «Хозяйство и Общество». Это уже отчасти сдѣлано въ статьѣ А. А. Кауфмана, появившейся въ сентябрьской книжкѣ «Вѣстника Европы». Я имѣю въ виду остановиться исключительно на нѣкоторыхъ теоретическихъ вопросахъ, разсматриваемыхъ авторомъ, чтобы попытаться выяснить отношеніе его взглядовъ къ существующимъ ученіямъ и высказать тѣ критическія замѣчанія и недоумѣнія, которыя эти взгляды вызываютъ во мнѣ.

П. Б. Струве—смѣлый мыслитель и въ то же время блестящій и оригинальный писатель. Если прибавить къ этому то, что онъ обладаетъ совершенно исключительной по своей широтѣ и разносторонности эрудиціей, то станетъ понятнымъ интересъ, возбуждаемый его книгой. Она будитъ мысль и заставляетъ подвергать критической провѣркѣ положенія, считавшіяся вполнѣ установившимися и какъ будто не подлежащими сомнѣнію, а на самомъ дѣлѣ часто оказывающіяся не болѣе какъ шаткими гипотезами или укоренившимися предразсудками. Критическій характеръ изысканій г. Струве составляетъ главное достоинство теоретической части его работы. Но если отрѣшиться отъ интересной, иногда блестящей формы изложенія и остановиться на внутреннемъ содержаніи теоретическихъ взглядовъ автора, то многое въ его книгѣ, что съ перваго взгляда кажется новымъ, на самомъ дѣлѣ оказывается довольно близкимъ къ уже существующимъ мнѣніямъ; самая же постановка вопросовъ и предлагаемыя рѣшенія вызываютъ иногда серьезныя недоумѣнія, корень которыхъ лежитъ, какъ мнѣ кажется, въ томъ, что авторъ, увлекаясь выпуклой формулировкой своей мысли и философской стороной изслѣдуемыхъ проблемъ, недостаточно останавливается на ихъ экономической сторонѣ и въ этомъ направленіи не продумываетъ своихъ положеній до конца.

Первый теоретическій вопросъ, разсматриваемый г. Струве, относится къ понятію хозяйства. Авторъ очень рѣшительно возстаетъ противъ господствующихъ взглядовъ, сущность которыхъ онъ усматриваетъ въ томъ, что экономисты признаютъ такъ называемые единичное хозяйство и народное видами родового понятія хозяйства,

между тѣмъ какъ народное хозяйство по своей природѣ не имѣетъ ничего общаго съ хозяйствомъ въ точномъ смыслѣ этого слова. Авторъ опредѣляетъ хозяйство какъ «субъективное, телеологическое единство раціональной экономической дѣятельности или хозяйствованія». Народное же хозяйство характеризуется отсутствіемъ именно того, что характерно для хозяйства: оно не имѣетъ субъекта и чуждо телеологическому началу. Это, по выраженію г. Струве, «псевдохозяйство»—«лишенная телеологическаго единства, стихійно слагающаяся система отношеній между хозяйствами».

Что же новаго въ этихъ взглядахъ? Опредѣленіе хозяйства совпадаетъ по существу, если не по формулировкѣ, съ общепринятымъ опредѣленіемъ «единичнаго» хозяйства; что же касается народнаго хозяйства, то и оно обычно опредѣляется, опять-таки по существу, а не по формулировкѣ, приблизительно такъ, какъ это дѣлаетъ г. Струве. Чтобы убѣдиться въ томъ, что въ самомъ содержаніи опредѣленій автора не заключается ничего новаго, достаточно взять на выдержку опредѣленія единичнаго и народнаго хозяйствъ изъ любого руководства политической экономіи.

Возьмемъ для примѣра хотя бы курсъ А. И. Чупрова. Единичнымъ хозяйствомъ онъ называетъ «совокупность или замкнутый кругъ хозяйственныхъ, экономическихъ дѣйствій, руководимыхъ единой волей». Это типичное опредѣленіе, встрѣчающееся съ тѣми или другими оттѣнками у огромнаго большинства современныхъ и старыхъ экономистовъ: на немъ сходятся Вагнеръ, Дитцель, Филипповичъ, Гармсъ и многіе другіе. Не трудно видѣть, что оно содержитъ въ себѣ всѣ элементы опредѣленія хозяйства по г. Струве: субъектъ, телеологическое начало, единство. Говоря о народномъ хозяйствѣ экономисты, въ томъ числѣ и Чупровъ, подчеркиваютъ существенныя отличія его отъ единичнаго хозяйства: отсутствіе единой воли, одного главы (субъекта). Они видятъ въ немъ совокупность единичныхъ хозяйствъ, связанныхъ между собою обмѣномъ и другими хозяйственными и иными узами. Возьмемъ, напр., Вагнера. «Народное хозяйство—говоритъ онъ,—въ его исторически сложившейся и фактически существующей формѣ, нигдѣ не имѣетъ во главѣ руководящаго субъекта хозяйства и права. Оно является мыслимымъ какъ замкнутое цѣлое понятіемъ совокупности связанныхъ между собою раздѣленіемъ труда и находящихся во взаимномъ общеніи другъ съ другомъ на почвѣ опредѣленнаго хозяйственнаго правопорядка (гражданскій и публичный правопорядокъ) самостоятельныхъ единичныхъ хозяйствъ у народа, организованнаго въ государство (или союзное государство) или объединеннаго государственно-хозяйственными мѣрами въ хозяйственное цѣлое («таможенный союзъ»): это органи-

ческая совокупность, а не механическое сосуществованіе единичныхъ хозяйствъ».

Это тяжеловѣсное опредѣленіе, также являющееся типическимъ (по существу) для господствующихъ воззрѣній, заключаетъ въ себѣ всѣ элементы того понятія народнаго хозяйства, какъ псевдохозяйства, которое мы встрѣчаемъ у г. Струве.

Экономисты, какъ видно изъ сказаннаго, не только ясно представляютъ себѣ признаки единичнаго хозяйства, съ одной стороны, и народнаго—съ другой, но они отчетливо формулируютъ и точки отличія того и другого. Тѣмъ не менѣе г. Струве правъ въ своихъ упрекахъ господствующему ученію въ томъ отношеніи, что оно, сознавая различіе природы единичнаго и народнаго хозяйствъ, пытается подвести эти принципіально различныя понятія подъ одно родовое понятіе хозяйства. Правда, большинство экономистовъ или обходитъ этотъ вопросъ, или же только молчаливо допускаетъ такое соподчиненіе понятій единичнаго и народнаго хозяйствъ общему и всеобъемлещему понятію хозяйства. Но можно привести примѣры и открытой постановки вопроса на эту почву. Такимъ примѣромъ можетъ служить тотъ же Вагнеръ, который въ своемъ руководствѣ: Grundlegung der Politischen Oekonomie пытается установить родовое понятіе хозяйства и подвести подъ него, въ качествѣ видовыхъ понятій, единичное, народное и міровое хозяйства. Такая система если не открыто, то молчаливо принимается почти всѣми экономистами. Она вошла въ привычку и поддерживается рутиной, несмотря на заключающееся въ ней внутреннее противорѣчіе. Г. Струве очень тонко подмѣтилъ послѣднее и предлагаетъ устранить его, признавъ, разъ навсегда, что народное хозяйство—не хозяйство, а псевдохозяйство и потому въ экономической систематикѣ должно занять мѣсто не подъ понятіемъ хозяйства, а въ другомъ классѣ наименованій. Для экономистовъ, не пытавшихся, подобно Вагнеру и нѣкоторымъ другимъ, напр. Линдвурму, отправляться отъ общаго понятія хозяйства, соображенія г. Струве являются логическимъ обоснованіемъ того, чему они фактически слѣдовали, недостаточно продумывая вопросъ со стороны систематики [1]).

Отчасти, но уже не вполнѣ, къ той же области систематики относятся и соображенія г. Струве объ основныхъ типахъ хозяйственнаго строя. Онъ устанавливаетъ три такихъ типа. Это—совокупность рядомъ стоящихъ хозяйствъ, система взаимодѣйствующихъ хозяйствъ

[1]) Опредѣленія хозяйства по существу я здѣсь не касаюсь. Замѣчанія, которыя можно было бы сдѣлать по этому предмету, относились бы не къ одному г. Струве.

и общество-хозяйство или общество, организованное въ хозяйственномъ отношеніи какъ субъективное, телеологическое единство. Первый типъ соотвѣтствуетъ укладу натуральнаго или самодовлѣющаго хозяйства и не вызываетъ по существу никакихъ недоумѣній. Тоже самое можно сказать и относительно третьяго типа: и здѣсь дѣло сводится къ названію или къ терминологіи. По поводу термина «общество-хозяйство», конечно, можно спорить, но это вопросъ второстепеннаго значенія, на которомъ я не буду останавливаться. Иное дѣло—второй типъ. О какомъ взаимодѣйствіи здѣсь идетъ рѣчь? Взаимодѣйствіе взаимодѣйствію рознь. Негритянскія племена, поддерживающія между собою регулярныя мѣновыя отношенія, находятся въ условіяхъ хозяйственнаго взаимодѣйствія—и современное народное хозяйство тоже построено на взаимодѣйствіи. Однако, въ первомъ случаѣ никакого хозяйственнаго строя нѣтъ, а во второмъ онъ несомнѣнно существуетъ. Важенъ фактъ взаимодѣйствія, но еще важнѣе его соціальные продукты, возникающія на почвѣ психическаго или, по выраженію Тарда, междупсихическаго общенія устойчивыя связи между людьми, дѣлающія изъ совокупности индивидуумовъ соціальное цѣлое.

Г. Струве по существу не отрицаетъ этого. Онъ признаетъ, что общество, хотя и не представляетъ единства, каковымъ является государство, тѣмъ не менѣе есть «реальное цѣлое, основанное на взаимодѣйствіи элементовъ и имѣющее свою особую жизнь рядомъ съ жизнью «составляющихъ» его индивидовъ и группъ» (стр. 40). Но, по мнѣнію автора, всѣ эти черты общества получаютъ свое выраженіе въ понятіи системы. Сказанное относится и къ народному хозяйству, которое есть нечто иное, какъ общество, разсматриваемое съ хозяйственной стороны. Но можно ли утверждать, что всякое взаимодѣйствіе есть система и что всякая система представляетъ органически связанное дѣло? Случайное, поверхностное взаимодѣйствіе, напр. между торгующими другъ съ другомъ первобытными племенами, едва ли можно назвать системой, а съ другой стороны, система взаимодѣйствующихъ элементовъ сама по себѣ еще не опредѣляетъ природы того цѣлаго, которое эти элементы представляютъ въ своей совокупности. Если лѣсъ и составляетъ систему—какъ утверждаетъ г. Струве, ссылаясь на спеціалистовъ по лѣсоводству,—то все же между лѣсомъ и человѣческимъ обществомъ, въ частности—народнымъ хозяйствомъ, существуетъ глубокое различіе, котораго никакъ нельзя игнорировать. Взаимодѣйствіе лѣсныхъ породъ, изъ которыхъ состоитъ лѣсъ, сводится къ физическому вліянію ихъ другъ на друга, въ отличіе отъ психическаго общенія людей въ обществѣ. Поэтому взаимодѣйствіе деревьевъ не даетъ никакихъ

продуктовъ соціальнаго характера, которые между тѣмъ получаются при длительномъ и интенсивномъ общеніи людей, и не даетъ поэтому права говорить о лѣсѣ то, что г. Струве говоритъ объ обществѣ, называя его реальнымъ цѣлымъ, имѣющимъ свою особую жизнь.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что подъ типъ взаимодѣйствующихъ хозяйствъ подойдутъ и такіе случаи взаимодѣйствія, гдѣ отсутствуетъ система, и такіе, гдѣ система хотя и существуетъ, но не приводитъ къ возникновенію соціальнаго цѣлаго, и, наконецъ, случаи, гдѣ послѣднее возникаетъ какъ продуктъ взаимодѣйствія. Классификація типовъ хозяйственнаго строя, предлагаемая г. Струве, логически безупречна, но она недостаточна.

Кстати замѣчу, что въ связи съ изслѣдованіемъ понятія народнаго хозяйства авторъ затрагиваетъ рядъ интересныхъ вопросовъ, находящихся на рубежѣ экономики и соціологіи, и отчасти относящихся къ послѣдней не менѣе, если не болѣе, чѣмъ къ первой. Таковъ, напр., вопросъ о «персонификаціи» народнаго хозяйства, которую онъ справедливо считаетъ логически недопустимой. Конечно, нельзя отожествлять народнаго хозяйства въ его современномъ видѣ съ хозяйствомъ какъ телеологическимъ единствомъ. Мнѣ кажется, однако, что экономисты гораздо меньше повинны въ этомъ грѣхѣ, чѣмъ можно было бы заключить по упрекамъ г. Струве. Напротивъ, перенося нѣкоторыя понятія единичнаго хозяйства (напр. имущества, дохода и пр.) на народное хозяйство, они постоянно подчеркиваютъ существенное различіе между указанными понятіями, разсматриваемыми съ различныхъ точекъ зрѣнія. Къ тому же, если логическая правильность подобныхъ сближеній можетъ быть оспариваема, то практически они не приносили ущерба научному знанію, потому что изъ нихъ, въ сущности, не дѣлалось никакихъ выводовъ: они служили скорѣе для подчеркиванія разницы въ природѣ единичнаго и народнаго хозяйствъ, чѣмъ для обоснованія какихъ-либо теоретическихъ положеній. Тѣмъ не менѣе для экономики чрезвычайно важно выяснить соціологическую природу народнаго хозяйства и соотношеніе между нимъ и хозяйствами, изъ совокупности которыхъ образуется соціальное цѣлое. Съ этимъ связанъ и вопросъ объ «интересахъ» народнаго хозяйства въ цѣломъ, также затронутый, но только мимоходомъ, въ книгѣ г. Струве, да и многія другія не менѣе важныя проблемы. Къ сожалѣнію, вопросы этой категоріи освѣщены авторомъ недостаточно, но они сильно выдвинуты имъ—и въ этомъ одна изъ его заслугъ.

Отправляясь отъ своей классификаціи типовъ хозяйственнаго строя, Струве пытается установить и соотвѣтственныя экономическія

категоріи. Таковы категоріи чистаго хозяйствованія, или просто хозяйственныя, междухозяйственныя и соціальныя.

Категоріи чистаго хозяйствованія выражаютъ «экономическія отношенія всякаго хозяйствующаго субъекта къ внѣшнему міру». Эти отношенія, говоритъ авторъ, существуютъ всюду, гдѣ есть хозяйствующіе субъекты, гдѣ есть хозяйственная дѣятельность. Основными категоріями этого рода являются: потребность, цѣнность (субъективная) и трудъ. «Что касается междухозяйственныхъ категорій, то онѣ вытекаютъ изъ взаимодѣйствія автономныхъ хозяйствъ». Къ этимъ двумъ категоріямъ присоединяется еще третья группа соціальныхъ категорій. Онѣ выражаютъ явленія, вытекающія «изъ соціальнаго неравенства находящихся во взаимодѣйствіи хозяйствующихъ людей». Самъ авторъ признаетъ, что его раздѣленіе экономическихъ категорій въ значительной мѣрѣ совпадаетъ съ общепринятыми дѣленіями на «естественныя» и «соціальныя» или »абстрактныя» («логическія») и «историческія»; но онъ находитъ, что оно заслуживаетъ предпочтенія какъ логически болѣе ясное и точное, а потому и методологически для догматическихъ или систематическихъ цѣлей политической экономіи болѣе плодотворное. Поясняя свою мысль, г. Струве высказываетъ предположеніе, что съ помощью предложеннаго имъ раздѣленія экономическихъ категорій можно избѣгнуть «превратнаго смѣшенія вопросовъ историческаго развитія формъ хозяйственной жизни съ догматическимъ анализомъ экономическихъ факторовъ капиталистическаго общества, въ которомъ явленія и отношенія хозяйственныя, междухозяйственныя и соціальныя сплетаются и переплетаются въ сложную сѣть».

Съ этой послѣдней точки зрѣнія раздѣленіе на логическія и историческія категоріи, установленное Родбертусомъ, не менѣе ясно и опредѣленно, чѣмъ то, которое предлагается г. Струве. Его недостатокъ заключается, правда, въ томъ, что, строго говоря, и такъ называемыя логическія категоріи историчны. Однако, степень общности логическихъ категорій настолько велика, что ихъ можно признать «надъ-историческими» и противопоставлять историческимъ категоріямъ, не рискуя вызвать этимъ какія-либо серьезныя недоразумѣнія. Съ другой стороны, терминологія г. Струве отъ такихъ недоразумѣній не гарантируетъ. Противопоставленіе хозяйственныхъ категорій междухозяйственнымъ приводитъ, напр., къ тому, что цѣна оказывается междухозяйственной, но не хозяйственной категоріей. Не странно ли это?

Подъ хозяйственными категоріями авторъ разумѣетъ, въ сущности, категоріи изолированнаго хозяйства, т. е. «внутрихозяйственныя», которыя только и могутъ быть противопоставляемы «междухозяй-

ственнымъ». Не лучше ли въ такомъ случаѣ исходить отъ хозяйственныхъ категорій, какъ общаго понятія, и подраздѣлять ихъ на индивидуально-хозяйственныя и общественно-хозяйственныя, разумѣя подъ первыми такія, которыя могутъ быть выведены исключительно изъ психики и дѣйствій индивидуумовъ, а подъ вторыми—категоріи, необходимо предполагающія общеніе людей между собою?

Вопросы, на которыхъ я остановился выше, относятся главнымъ образомъ къ области систематики и терминологіи. Въ этой части своего труда г. Струве касается по существу экономическихъ явленій только мимоходомъ, постольку, поскольку это необходимо для уясненія предлагаемыхъ имъ измѣненій въ систематизаціи экономическихъ понятій и экономической терминологіи.

Къ иному порядку разсужденій относятся мысли, высказываемыя авторомъ относительно цѣнности и цѣны. Здѣсь дѣло идетъ уже о разрѣшеніи теоретической проблемы по существу, и притомъ проблемы первостепенной важности.

Прежде всего необходимо устранить недоразумѣніе, могущее возникнуть у читателя книги г. Струве по поводу развиваемыхъ имъ взглядовъ. Отдѣльныя мѣста его сочиненія могутъ, пожалуй, дать поводъ предполагать, будто онъ вычеркиваетъ изъ круга понятій политической экономіи цѣнность и замѣняетъ ее понятіемъ цѣны. Мысль автора, какъ я понимаю ее, не такова. Она заключается въ слѣдующемъ.

Существуетъ представленіе, будто цѣна есть нечто иное, какъ выраженіе или отраженіе объективной цѣнности товаровъ, которая въ свою очередь представляетъ какъ бы матеріальную субстанцію, опредѣляемую внѣобмѣннымъ факторомъ—трудомъ. Согласно этому ученію объективная цѣнность составляетъ «вещную» основу цѣны: разъ дана первая, то дана и вторая.

Такую точку зрѣнія г. Струве признаетъ безусловно невѣрной; и въ этомъ съ нимъ нельзя не согласиться, если понимать объективную цѣнность въ вышеуказанномъ смыслѣ. Но это пониманіе основано исключительно на ученіи Маркса о цѣнности и цѣнѣ, изложенномъ въ III томѣ «Капитала», и только къ этому ученію цѣликомъ и примѣнимы возраженія г. Струве.

Не берусь судить, насколько близка проводимая авторомъ аналогія между теоріей трудовой цѣнности и схоластическимъ ученіемъ о первородномъ грѣхѣ. Полагаю, однако, что и безъ помощи этой аналогіи вполнѣ обосновывается тотъ тезисъ, что понятіе объективной цѣнности или субстанціи цѣнности, «которое создалъ Марксъ» (слова г. Струве), должно быть отвергнуто. Авторъ приходитъ къ этому выводу путемъ философскаго анализа; но для эко-

номиста онъ столь же неизбѣжно вытекаетъ и изъ понятія цѣнности и цѣны, какъ психологическихъ явленій. Съ тѣхъ поръ какъ политическая экономія вникла въ психологическую природу цѣнности и окончательно утвердилась на этой точкѣ зрѣнія, для попытокъ построить матеріалистическую теорію цѣнности (матеріализація цѣнности) разъ навсегда отрѣзанъ путь. Поэтому вполнѣ справедливо, что никакого опроверженія теоріи Маркса, поскольку она, какъ замѣчаетъ г. Струве, является погоней за «вещнымъ» ядромъ цѣнности, теперь уже не нужно. Никто и не опровергаетъ этой теоріи, по той причинѣ, что никто не защищаетъ ея, по крайней мѣрѣ серьезно и въ томъ видѣ, какъ ее формулируетъ г. Струве.

Я не буду останавливаться на критикѣ самой этой формулировки, хотя полагаю, что, имѣя подъ собою почву въ ученіи Маркса о цѣнности и цѣнѣ, она тѣмъ не менѣе отмѣчаетъ только одну сторону этого ученія, не выражая полной его характеристики и не добираясь до его корней, которые все же лежатъ въ психикѣ индивидуума.

Какъ бы то ни было, совершенно ясно и безспорно, что матеріалистическое пониманіе цѣнности, съ построеніемъ на немъ теоріи цѣны, должно быть разсматриваемо теперь, что и признано уже политической экономіей, какъ ein überwundener Standpunkt.

Но изъ того, что г. Струве отвергаетъ марксовское ученіе объ объективной цѣнности въ вышеприведенной формулировкѣ, вовсе еще не слѣдуетъ, будто онъ отвергаетъ вообще категорію цѣнности. Онъ не можетъ отвергать этой категоріи уже по одному тому, что признаетъ категоріи чистаго хозяйствованія, въ числѣ которыхъ цѣнность безспорно занимаетъ подобающее ей мѣсто и не можетъ быть замѣнена цѣною.

Авторъ формулируетъ свою точку зрѣнія въ слѣдующихъ положеніяхъ: «никакой общей субстанціи и никакого равенства, предшествующаго обмѣну, нѣтъ и быть не можетъ. Совершенно ясно, что съ этой точки зрѣнія цѣнность вовсе не управляетъ цѣнами. Образованію цѣнъ предшествуютъ въ конечномъ счетѣ только психическіе процессы оцѣнки. Цѣнность образуется изъ цѣнъ» (стр. 91). Эти положенія, взятыя сами по себѣ, вызываютъ недоумѣніе. Если образованію цѣнъ предшествуютъ психическіе процессы оцѣнки, то это значитъ, что цѣнѣ предшествуетъ субъективная цѣнность. Но въ такомъ случаѣ какая же цѣнность образуется изъ цѣнъ? Дѣло разъясняется слѣдующимъ образомъ.

Психическіе акты оцѣнки реализуются въ цѣнахъ въ отдѣльныхъ мѣновыхъ актахъ. Каждый случай цѣны составляетъ конкрет-

ное и вполнѣ индивидуальное явленіе эмпирической дѣятельности, которая въ цѣломъ слагается изъ множества такихъ явленій. Изъ индивидуальныхъ же цѣнъ въ свою очередь образуются «типическія цѣнности». Подъ этимъ понятіемъ г. Струве разумѣетъ то, что теорія статистики называетъ «субъективной средней». Такая средняя не составляетъ результата обработки ряда статистическихъ чиселъ, какимъ является, напр., ариѳметическая средняя. Субъективная средняя—это наиболѣе частый «нормальный» случай. «Относительно наиболѣе частая «нормальная» величина явленія—поясняетъ свою мысль авторъ, ссылаясь на Zizek'a,—запечатлѣвается въ умѣ наблюдателя какъ опытный фактъ и потому всякое свѣдущее лицо въ состояніи безъ дальнѣйшаго расчета показать такую величину».

Такимъ образомъ типическая цѣнность есть нечто иное, какъ наиболѣе часто встрѣчающаяся, «нормальная» цѣна. Она не представляетъ собою выведенной путемъ ариѳметическаго расчета средней, а является реально существующей величиной, которую мы признаемъ средней потому, что она всего чаще повторяется въ эмпирической дѣйствительности.

Процессъ, съ помощью котораго выясняется средняя въ изложенномъ смыслѣ цѣна, авторъ называетъ оцѣнкой, характеризуя ее какъ объективный фактъ. «Она производится—говоритъ онъ,—не съ точки зрѣнія потребностей, вкусовъ, интересовъ, мнѣній даннаго оцѣнивающаго субъекта, а съ точки зрѣнія общаго мнѣнія. Такая оцѣнка есть не субъективное сужденіе, а объективная экспертиза. Она должна выражать и уловлять «всеобщую оцѣнку». Но именно потому она не можетъ быть явленіемъ первичнымъ. Для того, чтобы была возможна такая объективная оцѣнка, на лицо долженъ быть матеріалъ болѣе или менѣе значительнаго количества субъективныхъ оцѣнокъ, и при томъ реализовавшихся въ цѣны. Конечно, мы можемъ представить себѣ множество субъективныхъ оцѣнокъ, не дошедшихъ до реализаціи, не отвердившихся въ цѣны. Таковы, напр., спрашиваемыя или предлагаемыя цѣны вообще, въ частности на биржѣ. Но оцѣнки, не реализовавшіяся въ цѣны, во 1-хъ, по своему реальному значенію уступаютъ реализованнымъ цѣнамъ, а потому, во 2-хъ, и не запечатлѣваются въ памяти, такъ какъ эти послѣднія. Поэтому безъ особой ошибки можно принять, что типическая цѣнность есть отвержденіе реализованныхъ цѣнъ, а не всѣхъ вообще субъективныхъ оцѣнокъ» (стр. 95).

Таково въ существенныхъ чертахъ ученіе г. Струве о цѣнности оцѣнокъ, или, какъ онъ выражается, о цѣнѣ цѣнности. Самъ онъ придаетъ особенное значеніе устанавливаемому имъ понятію цѣнности, которое онъ характеризуетъ какъ эмпирическое, въ частно-

сти статистическое. Цѣнность, по его опредѣленію, «есть понятіе своеобразнаго, неосознаннаго, такъ сказать сырого статистическаго мышленія». Онъ полагаетъ, что «такое пониманіе цѣнности углубляетъ это понятіе и въ то же самое время остается на строго эмпирической почвѣ» (XXXIII и сл.).

Итакъ, г. Струве устанавливаетъ два понятія цѣнности: субъективную, которую онъ называетъ субъективной оцѣнкой, и типическую, которую онъ подводитъ подъ статистическое понятіе субъективной средней и которую можно было бы назвать соціальной оцѣнкой. Соціальная оцѣнка образуется непосредственно изъ цѣнъ, которыя въ свою очередь представляютъ реализованныя субъективныя оцѣнки.

Это ученіе не только не отрицаетъ, но прямо признаетъ, что цѣна выводится изъ субъективной цѣнности. Въ этомъ отношеніи оно только воспроизводитъ мысль австрійской школы, твердо и опредѣленно установившей и выразившей положеніе, согласно которому цѣна можетъ быть выведена только изъ понятія субъективной цѣнности. Мнѣ думается, что это положеніе должно быть признано теперь не вызывающимъ никакихъ сомнѣній. Проблема цѣны сводится къ объясненію того, какъ изъ субъективной цѣнности или субъективныхъ оцѣнокъ возникаетъ цѣна. И въ этомъ вся сложность задачи.

По моему убѣжденію, процессъ образованія цѣнъ изъ субъективныхъ оцѣнокъ или субъективныхъ цѣнностей далеко не такъ прямолинеенъ, какъ это представлялось, напр., Бемъ-Баверку. Онъ совершается длиннымъ, окольнымъ путемъ, выясненіе котораго и составляетъ едва ли не самую важную задачу экономической теоріи.

Къ сожалѣнію, въ этомъ направленіи г. Струве не даетъ никакихъ объясненій. Онъ и не затрогиваетъ указаннаго вопроса, ограничиваясь простымъ констатированіемъ факта: субъективныя оцѣнки реализуются въ цѣнахъ. Но независимо отъ того, какъ происходитъ эта реализація, необходимо было бы помнить, что такое эти реализованныя изъ субъективныхъ оцѣнокъ цѣны?

Изъ изложенія г. Струве выходитъ какъ будто, что такія цѣны непосредственно отражаютъ индивидуальныя оцѣнки: въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ покупки и продажи субъективныя оцѣнки сторонъ выражаются въ цѣнѣ, на которой онѣ сходятся. Но вѣдь это не такъ. Отдѣльные мѣновые акты не составляютъ индивидуальныхъ явленій; они возникаютъ на почвѣ общественныхъ отношеній и вытекающія изъ нихъ цѣны составляютъ продукты сложнаго взаимодѣйствія индивидуальныхъ и соціальныхъ факторовъ (соціальныхъ въ общеупотребительномъ смыслѣ, т. е. общественныхъ). И въ чи-

слѣ послѣднихъ имѣютъ первостепенное, сплошь и рядомъ рѣшающее значеніе соціальныя оцѣнки.

Конкретная цѣна въ такихъ случаяхъ — только отраженіе соціальной оцѣнки; поэтому строить послѣднюю на первой, значитъ игнорировать ихъ взаимодѣйствіе. Авторъ совершенно упускаетъ изъ вида этотъ фактъ и все время разсуждаетъ такъ, какъ еслибы матеріаломъ для образованія соціальныхъ оцѣнокъ или, по его терминологіи, типическихъ цѣнностей, были цѣны, какъ явленія индивидуальнаго порядка, изъ которыхъ путемъ статистическаго отбора формируется типическая цѣнность. Но если цѣны, которыя предполагаются у Струве индивидуальными, на самомъ дѣлѣ представляютъ только частные случаи соціальныхъ оцѣнокъ, то вопросъ до чрезвычайности осложняется. Тогда проблема образованія соціальныхъ оцѣнокъ оказывается нисколько не разрѣшенной.

Выдвигая «сингуляристическую» точку зрѣнія Струве обращаетъ вниманіе экономистовъ на очень важную сторону проблемы цѣнности и цѣны. Но онъ не выясняетъ предѣловъ дѣйствія сингуляристическаго момента и его отношенія къ соціальному моменту. Пусть типическія цѣнности образуются изъ конкретныхъ цѣнъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что послѣднія не формируются подъ дѣйствіемъ соціальныхъ факторовъ, вліяющихъ на отдѣльные случаи мѣны и опредѣляющихъ субъективныя оцѣнки объективными нормами (издержки производства и пр.). Не слѣдуетъ изъ вышеприведеннаго положенія и того, что субъективныя оцѣнки и конкретныя цѣны въ извѣстныхъ предѣлахъ, на практикѣ очень широкихъ, не являются простымъ отраженіемъ соціальныхъ оцѣнокъ или типическихъ цѣнностей. Этого сложнаго взаимодѣйствія г. Струве совершенно не разъясняетъ.

Еще нѣсколько словъ о типической цѣнности. Это понятіе само по себѣ не представляетъ ничего новаго. Это та же объективная цѣнность, но не въ марксовскомъ смыслѣ матеріальной субстанціи, а въ смыслѣ общепринятой оцѣнки, которая не противополагается субъективной цѣнности, а вытекаетъ изъ нея, какъ изъ первоисточника (напр. у Неймана въ Schönberg's Handbuch). Соображенія г. Струве о типической цѣнности показываютъ, что и онъ, несмотря на свою сингуляристическую точку зрѣнія, не обошелся безъ такого понятія цѣнности, которое всего правильнѣе назвать внѣиндивидуальнымъ, но сущность котораго довольно точно опредѣляется и понятіемъ объективнаго. И для г. Струве существуетъ цѣнность субъективная и объективная. Только въ отличіе отъ Маркса, какъ онъ понимаетъ его, онъ строитъ объективную цѣнность на базисѣ психологическаго субъективизма.

Мысль г. Струве о статистическомъ характерѣ операцій, съ помощью которыхъ изъ конкретныхъ цѣнь образуется типическая цѣнность, остроумна и интересна. Она разъясняетъ одну изъ стадій оцѣночнаго процесса, на которомъ строится экономика. Но и только. Явленіе цѣнности-цѣны далеко не исчерпывается образованіемъ субъективной средней съ помощью операцій статистическаго характера.

Моя замѣтка касается только нѣкоторыхъ вопросовъ, затронутыхъ П. Б. Струве, и, разумѣется, не имѣетъ претензіи дать полную оцѣнку его книги. Свой взглядъ на это безспорно выдающееся изслѣдованіе я уже изложилъ въ печати [1]) и здѣсь повторять его не буду. Замѣчу только, что каковы бы ни были разногласія критики съ авторомъ книги «Хозяйство и цѣна», научное значеніе ея этими разногласіями не можетъ быть поколеблено. Большая заслуга П. Б. Струве состоитъ въ томъ, что онъ ставитъ на обсужденіе рядъ основныхъ вопросовъ политической экономіи и направляетъ экономическую мысль на критическій пересмотръ проблемъ первостепенной важности.

А. Мануиловъ.